

наследие

Вертикали на плоскости

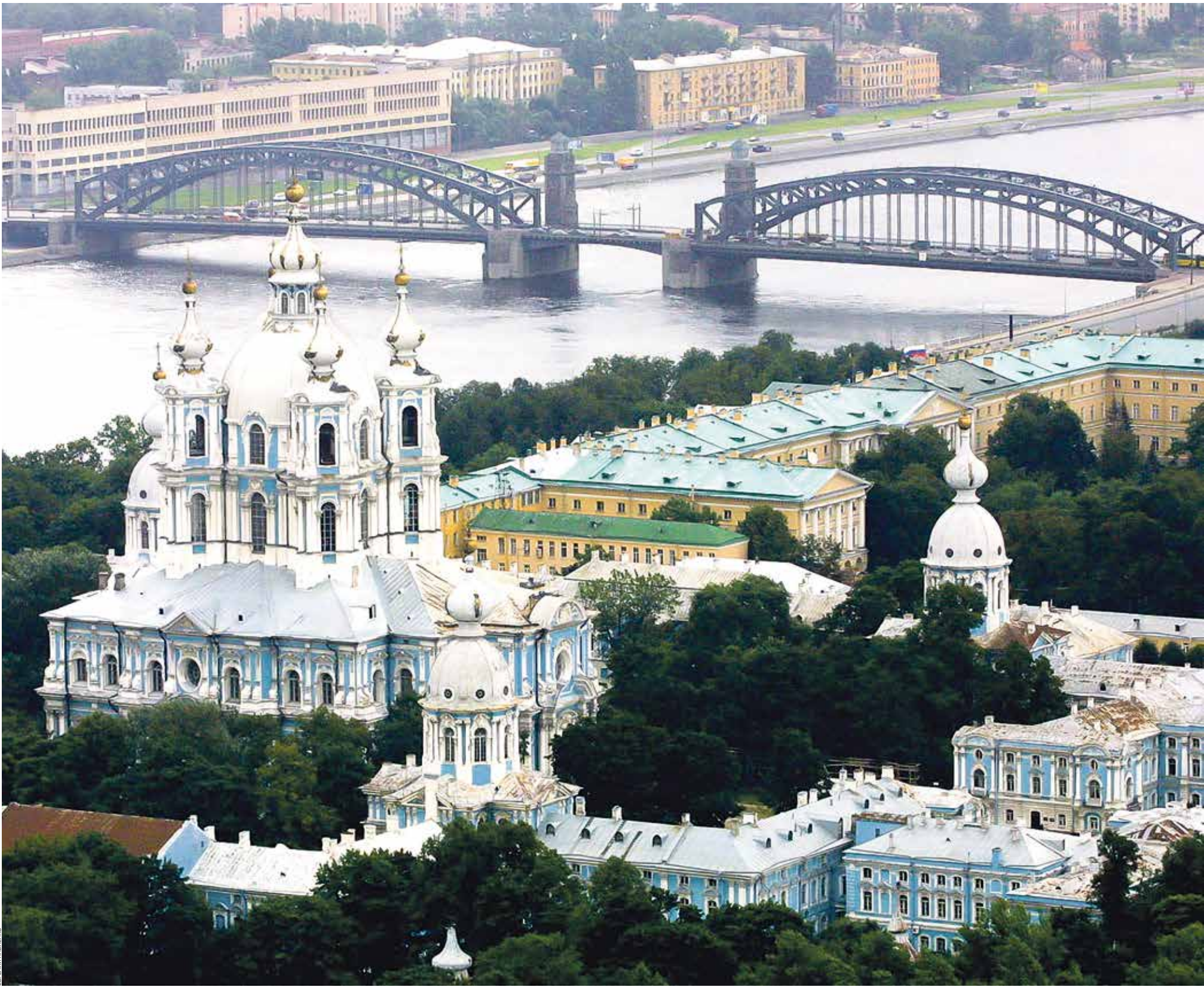
Французский маркиз Астольф де Кюстин, прибывший морем в Петербург в 1839 году, был крайне удручен открывающимся ему видом. «Несколько колоколен, предстоящих взору издалека, вызывают не столько восхищение, сколько удивление... Кажется, будто видишь линию, проведенную неуверенной рукой ребенка, обучающегося геометрии», — меланхолично отмечает он. Вольно было ему, посетившему Швейцарию, Италию и Испанию, ругать «бесконечную торфяную плоскость» невских берегов, но все устроители Петербурга, каждый по-своему, пытались вытянуть город в сторону неба.

— история вопроса —

Уже Петр I, придя к выводу, что столицу нужно делать именно в Петербурге, заказал генеральный план будущего «парадиза». Сначала Доменико Трезини, а затем Жан-Батисту Леблону, лучшему градостроителю того времени. По этому плану почти целиком Петербург располагался на Васильевском острове. В соответствии с идеями века Просвещения новый идеальный город должен был сам по себе подчеркивать идею рационального и гармоничного устройства мира, в центре которого находился, естественно, царский дворец.

Чуть позже император заказывает недавнему противнику — шведу Тессину важнейший элемент европейской столицы. Грандиозный собор с колокольной в честь святого Андрея Первозванного должен был подняться на стрелке Васильевского острова. Выбор святого был неслучаен: Петр искал идеологическое обоснование для своего движения к Европе, а в те времена такое обоснование могло быть только религиозным. Петр выбрал для этого старый апокриф о странствии апостола Андрея по славянским землям. Согласно этому преданию, первый ученик Христа от Черного моря по рекам поднялся до Ладоги, вышел в Балтийское море и уже оттуда вернулся в Рим. Утверждаясь на невских берегах, Петр как бы повторял путь «нашего апостола», а Андреевский собор, царящий над морским портом на стрелке, служил бы наглядным подтверждением этого.

Никодемус Тессин выполнил проект храма, даже не приезжая в Россию. В 1725 году началась подготовка к строительству, но преждевременная смерть императора поставила на

Пятиярусная башня над западными воротами монастыря оказалась бы самым высоким зданием не только в городе, но и во всей России

нем крест. Андреевский собор на Васильевском острове все же появился, но позже, гораздо более скромный и в другом месте — на углу Большого проспекта и 6-й линии. Еще одна символическая башня по петровским планам должна была подняться в Кронштадте. По проекту Николо Микетти и Иоганна-Фридриха Браунштейна она венчала собой вход в Петровский канал. Башня служила бы маяком и одновременно триумфальной аркой, стоя своими «ногами» по обе стороны канала. Размеры арки позволили проходить под ней большому парусному кораблю! Такой фантастический проект, конечно, требовал огромных ресурсов. Возможно, Петр, с его любовью к флоту и Кронштадту, и достроил бы канал и башню, но ему это было не суждено. Полностью гидротехническую систему достроили только через 27 лет после его смерти, а от башни остался лишь фундамент и модель в кронштадтском музее.

Следующий «прыжок в небеса» предприняла дочь Петра. «Веселая Елисавет», несмотря на известную

легкость нрава, была довольно набожной. В частности, регулярно совершала паломничества к киевским и московским монастырям. Неудивительно, что, едва взойдя на престол, она объявила, что желает начать строительство монастыря, где «в тишине и покое завершит свои дни». Местом избрали Девичий дворец, он же Смольный дом, — небольшое здание, в котором прошла юность будущей императрицы. Подобно египетским пирамидам, Смольный (точнее говоря, Новодевичий Воскресенский монастырь) превратился в главную стройку страны. Пожалуй, это был один из немногих проектов в русской истории, который получал финансирование без задержек и проволочек. На строительство ежедневно было занято до 2000 солдат Петербургского и Кронштадтского гарнизонов, а также 1500 мастеров из Ярославской и Костромской губерний «за плату в три копейки в день». В три года, с 1748-го по 1751-й, были закончены все подготовительные работы и все фундаменты, началось возведение стен. Материалы везли не только из окрестностей столицы, но и из Карелии, с Севера, с Урала. Практически все руководящие должности занимали европейские мастера, которыми руководил Бартоломео Франческо

Растрелли, находившийся в тот момент в зените своей славы.

«Коль сия святая обитель по благословенному ее императорского величества положенному начале... через краткое пятилетнее... оное строение произведено, о том всяк очевидный зритель в великое удивление прийти может», — писал современник, пораженный скоростью строительства. Однако уже через два года началась война с Пруссией, и денежный поток резко иссяк. Кое-как к 1759 году в Соборной церкви были сведены своды, а к 1761-му достроен большой купол. Но тут грянула новая беда — скончалась Елизавета Петровна, так и не успев постричься в монахини. Всякие работы в недостроенном монастыре прекратились. Отказались и от строительства отдельной колокольной высотой 140 метров. Пятиярусная башня над западными воротами монастыря оказалась бы самым высоким зданием не только в городе, но и во всей России. Ее нижний этаж по проекту прорезала арка — дань европейской моде того времени. Восстание на престол новой императрицы, Екатерины, ознаменовалось и отказом от стиля барокко. Архитектору Фельтену поручили все же закончить наружную отделку собора. Его оштукатурили,

установили церковные главки, но все равно почти на 70 лет собор остался недостроен. Даже в таком виде он производил настолько сильное впечатление, что еще один великий архитектор, Кваренги, яркий ненавистник барокко, проходя мимо Смольного, снимал шляпу и восклицал: «Eccounachies! Вот это церковь!»

Колокольная была построена до второго яруса, но потом разобрана. Лишь в 1820-е годы храм начали достраивать. По проекту Василия Стасова исправили все повреждения, покрасили (в «классический» желтый цвет) стены, настелили полы, поставили окна, двери, иконостас. Лишь в 1835 году, почти через сто лет после начала строительства, Воскресенский собор был заново освящен петербургским

митрополитом. К тому времени уже существовал еще один Смольный — институт, или «Императорское воспитательное общество благородных девиц». Его здания возвели рядом с монастырем. Поэтому собор Воскресения Словущего был поименован собором учебных заведений: сперва школ и институтов Вдовства императрицы Марии Федоровны, а затем и всех остальных. После революции из собора были изъяты все ценности, в 1923 году он был закрыт. Некоторое время в здании хранились театральные декорации. После 1967 года в нем разместили экспозицию «Ленинград сегодня и завтра», а с 1990 года в Смольном соборе открылся концертно-выставочный зал.

Константин Шолмов

ИСТОРИЯ КОЛОКОЛЬНИ

1748 год — создание проекта Смольного монастыря и колокольной

1752 год — заложен фундамент колокольной

1756 год — возведение первого яруса колокольной

1767 год — приостановка строительства колокольной (смерть Елизаветы, отсутствие финансирования)

«Посреди просторного двора внутри поименованного монастыря я возвел великую церковь с куполом; капители, колонны и их базы из чугунного литья; большая колокольная, коя будет построена при входе в монастырь, будет иметь 560 английских фунтов высоты. Нельзя не восхищаться великолепием сей постройки, которая снаружи и изнутри имеет дивную архитектуру», — писал Бартоломео Растрелли.

прямая речь

Прямо в небо

В Петербурге вновь поднята тема возможности воссоздания 140-метровой колокольной Смольного собора по проекту Бартоломео Растрелли. Архитектурный объект мог бы стать новой доминантой исторической части города. При этом мнения экспертов разделяются. В любом случае, считают они, к идее воссоздания объекта надо подходить крайне аккуратно и деликатно.

Федор Туркин, председатель совета директоров холдинга РСТИ («Росстройинвест»): — Идея строительства колокольной Смольного собора по проекту Растрелли я поддерживаю примерно 20 лет и мечтаю о том, чтобы это гениальное сооружение было построено. Мы знаем примеры, когда задумки великих гениев не были при их жизни реализованы, но со временем, через столетия, воплотились в жизнь. Я думаю, что колокольная

Смольного собора украсит Петербург. В целом не хотелось бы, чтобы значительная часть Петербурга была просто музеем. У нас есть пример Венеции — города-музея, который практически умирает, из него уезжает молодежь. Исторический центр должен развиваться, чтобы гости города и те, кто работают в центре, чувствовали себя комфортно. В то же время необходимо заботиться о сохранении объектов культурного наследия и по возможности восстанавливать утраченные объекты, в особенности храмы, потому что это намоленные нашими предками места.

Алексей Шашкин, генеральный директор ГК «Геореконструкция», член Совета по сохранению и развитию территорий исторического центра Петербурга: — Как специалист по конструкциям и фундаментам могу с уверенностью сказать, что реализация данной идеи в техническом плане осуществима. Современные технологии позволяют провести качественные работы в достаточно быстрые сроки. Если говорить о личной позиции, то это очень интересная идея, скорее поддерживаю воссоздание данного объекта. Мне было бы интересно посмотреть на колокольную с разных видовых точек. Если объект действительно когда-нибудь будет построен, то он по-своему преобразит Петербург, добавит ему новую особенность.

Федор Коньков, управляющий партнер Института территориального планирования «Урбаника»: — Если бы проект колокольной Растрелли был реализован в полной мере во время строительства Смольного собора, впоследствии разрушен по той или иной причине и сейчас речь шла бы о восстановлении утраченной высотной доминанты — тогда предложения по ее восстановлению имели бы логику и их стоило бы всерьез обсуждать. Но колокольная построена не была, и то, что гипотетически может быть построено вместо нее, однозначно будет восприниматься как новодел, а не как историческое здание. Если рассуждать о восстановлении утраченных архитектурных объектов, то логичнее будет рассмотреть возможность восстановления каких-то из важных разрушенных или приспособленных под другие функции в советское время церквей и соборов города — естественно, с учетом сложившейся застройкой и сохранения образовавшихся на местах многих из этих церквей скверов. Можно вспомнить церковь Спаса на Сенной, которая два века была архитектурной доминантой Сенной площади, или немецкую реформатскую кирху на Большой Морской улице, которая была приспособлена под Дворец культуры работников связи.

Владимир Трушковский, генеральный директор ООО «Ленстройуправление»: — Почему бы и нет. Я поддерживаю данную инициативу. Из истории мы знаем, что колокольная была построена до уровня первого карниза. Наверное, пришло время осуществить задумку великого мастера. Возможно, могут возникнуть сложности законодательного плана, но они решаемы. А также с общественностью. Не всем может быть по душе высотный объект, являющийся частью религиозного комплекса. Тем не менее, на мой взгляд, все обсуждаемо и можно прийти к консенсусу. На мой взгляд, колокольная Смольного собора, выполненная по проекту Бартоломео Растрелли, удачно впишется в существующий городской ландшафт.

Екатерина Кутева, генеральный директор ПКБ «Строй-Проект» (входит в группу ЦДС), член жюри всероссийского архитектурного конкурса «АРХпроект»: — У меня двойственное отношение к этой идее. С одной стороны, предлагается завершить ансамбль Смольного собора, воплотив замысел Растрелли. Так как колокольная изначально была задумана архитектором как часть собора, она должна гармонировать с окружающим пространством. Предложение интересно еще и потому, что воссоздание исторической постройки такого масштаба

добавило бы городу известности и привлекло дополнительных туристов. Но возникает вопрос: кто сможет реализовать этот проект так, чтобы постройка не выглядела новоделом и не диссонировала со старинными зданиями? Существует опасность испортить историческое наследие Петербурга. Таким образом, беспоконт воплощение этой идеи, ведь речь идет об огромной доминанте в центре города — колокольная по высоте будет эквивалентна 50-этажному зданию. Сейчас же единственное здание выше 100 метров в городе — это «Лахта-центр». И хотя он расположен в отдалении от центра, небоскреб попадает практически во все охраняемые городские панорамы. В случае с 140-метровой колокольной нужно сначала выполнить моделирование, чтобы понять, как постройка повлияет на городскую среду, и только после этого серьезно обсуждать эту идею.

Борис Кириков, историк архитектуры: — Я полагаю, мы не имеем права исправлять историю. Чего не случилось — того не случилось. Это первое. Второе — в большей степени мы имеем представление об этой колокольной по деревянной модели в музее Академии художеств. Но там и собор показан несколько другим. Возможно, это был промежуточный вариант проекта Растрелли, наиболее предпочтительный он не смог или не успел выбрать. Таким образом, воссо-

здание колокольной — очень сомнительное предложение, к которому нужно относиться крайне взвешенно.

Рафаэль Даянов, руководитель Архитектурного бюро «Литейная часть-91»: — К данной идее отношусь глубоко положительно. Потому что это гениальное произведение гениального зодчего, но увы, так и не реализованное. В свое время я писал научную статью про колокольную Смольного собора, принимал участие в архитектурных раскопках, и обидно, что некоторые считают, что ее никогда не существовало. А она была, построил ее успели до второго яруса. Сейчас на месте колокольной сохранился мощный фундамент. Полагаю, что данный объект мог бы стать доминантой восточной части исторического центра Петербурга. Сейчас вблизи этой локации, особенно через Неву, стоят достаточно неудачные, а некоторые и вовсе безобразные сооружения. Не хотелось бы, чтобы первая четверть XXI века запомнилась именно ими. Думаю, нам есть что оставить потомкам. В том числе это может быть и воссозданная колокольная, которая вкупе с собором составит уникальный архитектурный барочный ансамбль. Тем более что у петербургских архитекторов есть традиция воссоздавать утраченные или не до конца реализованные объекты своих предшественников.